

МЫ

Мария Бродская и Анн Шелберг о творческом наследии поэта

Независимая пресса - 2001
- 30 руб.
- с. 7

28 января 1996 года умер Иосиф Бродский. Его книги и книги о нем выходят в России с завидной регулярностью. Однако мало кто знает, какие проблемы стояли до последнего времени за каждой публикацией. Предлагаем вашему вниманию интервью вдовы поэта Марии и его душеприказчицы Анн Шелберг. Надеемся, что это интервью (все-таки первое публичное выступление вдовы!) прольет свет на чудовищную неразбериху, которая творилась и творится вокруг творческого наследия поэта в России, и изменит отношение к его наследникам.

Виктор Куллэ

ВАС, Мария, совсем не знают в России. Чем вы занимаетесь после смерти Бродского?

Мария Бродская: Прежде всего я ращу нашу маленькую дочку, работаю переводчиком — на это уходит основная часть времени. Проверяю переводы произведений Иосифа на разные языки — это еще одно постоянное занятие. Кроме этого много времени и сил посвящаю учреждению стипендий Фонда памяти Иосифа Бродского в Риме. Вы, конечно, знаете, что незадолго до смерти Иосиф увлекся идеей основать в Риме Русскую академию по образцу академий других стран. По его замыслу такая академия дала бы русским писателям, художникам и ученым возможность проводить какое-то время в Риме и заниматься там творчеством и исследовательской работой. В 1981 году он сам прожил несколько месяцев в Американской академии в Риме, и это время оказалось для него очень плодотворным. Перед смертью Иосиф проделал большую часть работы по составлению жюри и отбору консультантов, разработал интеллектуальную основу для Академии, но практических шагов сделать не успел. Этот проект мне очень дорог...

— В вас же течет итальянская кровь...

М.Б.: Да, мой отец — итальянец, и выросла я в Италии. Мать у меня русская. В частности, и поэтому эта идея мне очень близка. Конечно, мы начали сбор с литераторов, потому что им для работы не нужно ни просторных мастерских, ни специального оборудования. Мы уже направили в Рим трех стипендиатов. Это Тимур Кириков, Владимир Строчков и Сергей Стратановский.

— Давайте поговорим о публикациях Иосифа.

М.Б.: Насчет практического аспекта грядущих изданий — это очень большая тема; наверное, об этом лучше спросить Анн Шелберг, которая является литературным душеприказчиком Иосифа. Литературный душеприказчик назначается в соответствии с завещанием автора, чтобы вести дела, связанные с его литературным наследием, после его смерти. Иосиф еще при жизни назначил Анн своим литературным душеприказчиком. Анн была дружна с Иосифом, десять лет была его личным секретарем, знала про все его литературные дела, знала его зарубежных издателей и т.д.

— Огромная кухня!

М.Б.: Да, в этом смысле Анн можно посочувствовать! Но, думаю, Иосиф знал, что она сможет положиться на людей, которые были связаны с его, так сказать, «русскоязычной» жизнью. В частности, в России — это Яков Гордин и Виктор Гольшев, а в Америке — Александр Сумеркин и Лев Лосев.

— Расскажите о Фонде, пожалуйста.

Анн Шелберг: «Фонд наследственного имущества» — то, что по-английски называется словом «Estate», то есть буквально — «Наследство», — это юридическое лицо, которое создается после смерти человека и задача которого заключается в том, чтобы собрать имущество — как материальное, так и интеллектуальное — покойного и распределять его в соответствии с его завещанием. Душеприказчик, или исполнитель завещания, — это физическое лицо, обязанность которого заключается в том, чтобы проследить, чтобы были осуществлены пожелания, высказанные в завещании. Я знаю, что по-русски слово «наследство» означает скорее денежную сумму или материальное имущество. Но «Наследство Иосифа Бродского» не является финансовым фондом. В настоящее время существуют два таких фонда, связанные с Иосифом: Фонд стипендий памяти Иосифа Бродского, который занимается сбором средств для отправки стипендиатов в Рим — об этом уже говорила Мария, и Фонд Литературного музея Иосифа Бродского в Санкт-Петербурге, основанный, чтобы открыть музей в бывшей квартире Иосифа на улице Пестеля. В данный момент также идет работа по созданию Фонда в Массачусетсе, чтобы сохранить там дом, в котором подолгу жил Иосиф. Разумеется, и Мария, и я принимаем участие во всех этих проектах и оказываем поддержку их начинаниям. Но «Наследство», или «Фонд наследственного имущества», — это нечто совсем иное.

— Какие книги стихотворений Иосифа выходят в России?

А.Ш.: Во-первых, только что благодаря Якову Аркадьевичу «Пушкинский фонд» выпустил

Мария Бродская (слева) и Анн Шелберг, 1990. Фото Иосифа Бродского. Печатается с разрешения

новые, исправленные, издания сборников, впервые опубликованных при непосредственном участии Иосифа американским издательством «Ардис». Иосифу в работе над подготовкой этих книг в 70-х, 80-х и 90-х гг. помогали друзья — Карл и Эллленда Проффер...

— А что с рукописями Иосифа в России?

А.Ш.: В петербургской Российской национальной библиотеке директор отдела рукописей Людмила Бучина ведет подготовительную работу по составлению каталога ранних рукописей Иосифа. Мы надеемся в скором времени начать совместно с нею всестороннее описание всех рукописей Иосифа при консультациях с американскими специалистами, которые работают с его архивом здесь.

М.Б.: Анн работала над этим...

А.Ш.: Вы имеете в виду собрание ранних рукописей в Национальной библиотеке, в ведении Людмилы Игоревны? Этот архив был временно закрыт по просьбе библиотеки, чтобы обеспечить необходимые условия хранения. Хотя там есть какое-то количество документов личного характера, закрытых еще за несколько лет до того по просьбе Иосифа. Мы еще вернемся к этой теме. Кроме того, есть еще обширное собрание архивных материалов, оставшееся после смерти Иосифа в Америке. В данный момент мы с Марией обдумываем, куда передать на хранение эту часть архива. Хотя скорее всего эти материалы в итоге попадут в какое-нибудь научно-исследовательское учреждение в Америке, мы твердо намерены организовать тесное сотрудничество с российским архивом — мы надеемся наладить обмен материалами в копиях, чтобы исследователи в обеих странах имели доступ к полному комплексу архивных документов; мы хотим подготовить совместный каталог, учредить стипендии для научных командировок и организовать другие формы обмена. Сейчас мы также стремимся разыскать ранние рукописи и самиздатские копии сочинений Иосифа, чтобы все это можно было учесть в ходе подготовки академического издания. Мы очень благодарны друзьям Иосифа в России, которые предоставили нам такие рукописи.

— Что же делать исследователям?

А.Ш.: Собственно творческое наследие будет открыто для всех ученых, обладающих требуемой квалификацией. Как я уже говорила, Иосиф сам поставил условие, чтобы его личные и семейные бумаги были на какое-то время закрыты, и, конечно, мы будем соблюдать это условие. Но в этом случае речь идет о сравнительно небольшом объеме материалов.

А.Ш.: Указания Иосифа касаются двух областей. Во-первых, он просил, чтобы его личные и семейные бумаги в архиве были закрыты на пятьдесят лет. Во-вторых, в письме, приложенном к завещанию, как и в беседах со мной насчет того, как эти вопросы должны решаться после его смерти, — он просил не публиковать его письма и неизданные сочинения. Но, насколько я понимаю, его просьба допускает публикацию отдельных цитат из неизданных вещей в научных целях, как это принято в подобных случаях. В том же самом письме он просил своих друзей и родных не

принимать участия в написании его биографий.

— Есть ли письменное подтверждение?

А.Ш.: Да, безусловно. Как мы уже говорили, он сопроводил такой просьбой материалы архива в Санкт-Петербурге и включил это условие в приложение к завещанию. Он очень отрицательно относился к жанру биографии — это видно из его собственных сочинений.

— А письма?

А.Ш.: Контроль писателя над собственными письмами длится, покуда остается в силе его авторское право. Когда этот срок истекает, он не может контролировать их судьбу — издавать их или не издавать. Поэтому если лица, у которых есть письма и личные документы Иосифа, хотят, чтобы они сохранились, им следовало бы передать копии таких писем и документов в его архив, где их вклад будет соответственным образом отмечен и бумаги будут сохранены для будущих поколений. Если это не противоречит указаниям Иосифа и владелец высказывает соответствующие пожелания, доступ ученым к этим документам может быть открыт уже сейчас.

— Расскажите теперь о его творческом наследии.

А.Ш.: В соответствии с международным законодательством об авторском праве права на публикацию письменного сочинения принадлежат его автору вне зависимости от того, в чьем владении находится физический объект, на котором это сочинение записано. Эти права автор передает своим наследникам, где бы они ни находились. Поэтому, если кто-то хочет в печати процитировать значительный по протяженности текст — ну, скажем, целиком все стихотворение, или же большой отрывок из прозаического сочинения, или привести цитату из неопубликованных материалов, для этого необходимо, покуда авторское право остается у владельца авторского права, будь то живой автор или его наследники. Разумеется, необходимо запросить разрешение на публикацию полного текста прозаического сочинения или же книги в полном виде или же на изготовление и продажу магнитной ленты с записью выступления автора. Хотя некоторые владельцы авторского права очень жестко ограничивают материалы, на публикацию которых они дают разрешение, большинство из них, как правило, такое разрешение предоставляет. Мы поступаем так же.

— А как обстоит дело с публикациями в России?

А.Ш.: Мы показываем все запросы Якову Аркадьевичу и спрашиваем его мнение, и, в общем, мы всегда в конечном счете даем разрешение. Хотя, когда речь шла о книгах, у нас ушло некоторое время на систематизацию издательской программы. Мы колеблемся только в тех случаях, когда предполагаемое использование текстов нарушает условия, поставленные в завещании Иосифа, или же произведение может быть напечатано каким-либо образом, искажающим его смысл, или же что такая публикация носит коммерческий характер, и очевидно, что наследники Иосифа должны получить определенную долю от дохода — в этом и заключаются

мои обязанности душеприказчика. Или если предлагаемое издание вступает в конфликт с другими готовящимися к изданию книгами. Я со многими говорила на эту тему в России, и меня очень удивило, что люди, связанные с литературой, в целом не слишком доброжелательно относятся к понятию авторского права. Мне кажется, что это вовсе не орудие цензуры, а лишь средство, с помощью которого в свободном обществе автор получает возможность жить за счет своих произведений, не идя при этом на государственную службу, не вступая в союз писателей или еще куда-нибудь. Может быть, людей оскорбляет слово «владелец», когда речь идет о литературе. Мне авторское право представляется орудием интеллектуальной свободы, однако в России, судя по всему, пока что многие этого не понимают.

А.Ш.: Нужно только послать нам письмо через Якова Аркадьевича и запросить разрешение.

— Давайте вернемся к биографиям Иосифа.

М.Б.: Вообще-то я избегаю выражать мнения Иосифа своими словами и предпочитаю направлять людей к его собственным текстам... Но, думаю, у него было очень развито ощущение автономности поэзии, убеждение в ее превосходстве над повседневной жизнью, и он хотел, чтобы люди размышляли об идеях, содержащихся в поэзии и в языке. А повседневная жизнь — дело частное.

А.Ш.: И, кстати, оказавшись на Западе, он всегда сопротивлялся попыткам сделать из него некую икону героя-диссидента. Он не хотел, чтобы политические моменты его биографии, которые к тому же были ему навязаны, а не выбраны им самим, — отвлекали людей от важной и подлинной вещи, каковой, по его убеждению, является поэзия. Он не раз писал, что жизнь должна стремиться к тому, чтобы обрести измерение поэзии, а не наоборот.

— Но нельзя же запретить людям писать воспоминания?

А.Ш.: Да, мы не можем запретить людям писать то, что они хотят, и даже если бы могли, не стали бы этого делать. Мы можем только — по настоянию Иосифа — передать эту личную выстраданную просьбу его родным и друзьям и всем, кто разделяет его чувства, хотя не занимается. Конечно, мы могли бы попытаться контролировать то, что пишут об Иосифе, — например, отказывая в разрешении на обширные цитаты из его произведений. Но нам это не по душе. Поскольку Иосиф сам сказал, что его неизданные тексты можно цитировать лишь в научно-исследовательских целях, такие тексты нельзя включать в биографии, потому что он четко высказал свои пожелания на этот счет. Биографам, у которых есть доступ к неопубликованным текстам Иосифа, придется их пересфразировать.

— Нужно ли испрашивать разрешение на цитаты?

А.Ш.: Люди не обязаны спрашивать разрешение, когда речь идет о коротких цитатах из опубликованных текстов — в Америке такое цитирование называется «использованием текста по совести». В данный момент мы говорим о неопубликованных рукописях — о рукописях, на публикацию которых сам автор не давал разрешения.